

лено значимое различие в оценивании “счастливых” и “несчастливых” людей. Исследователь предполагает, что “образ счастливого человека представлен в структурах обыденного сознания ярче, определеннее, чем несчастливый”. Объясняется это тем, что счастливые люди больше выделяются из всего окружения, являются для других примером, образцом для подражания. Связано счастье–несчастье с темой “благополучие в семье и личной жизни”. Автор отмечает: “в системе представлений о счастье любовь и семья имеют высший ценностный приоритет” (с. 153). Интересно такое наблюдение: “В отношении красоты и физической привлекательности следует заметить, что более привычно связывать их с образом счастливого, чем несчастного человека (дается ссылка на книгу М. Аргайла “Психология счастья”. – М.В.), хотя по результатам нашего исследования им придается примерно одинаковый вес” (с. 155). Главной характеристикой, отличающей счастливого человека от несчастливый, является чувство оптимизма и связанная с ним вера в лучшее будущее. Кроме того, счастливые отличаются от несчастливых также уверенностью в себе, целеустремленностью, наличием смысла жизни. А вот материальный достаток, образованность, удачливость оказались лишь незначительно связаны с образом счастливого человека. Сам образ несчастливый человека, каким тот представлен в обыденном сознании, оказывается лишенным резких отрицательных черт: “Скорее, наоборот, ему приписываются высокая нравственность и социально-этическая зрелость” (с. 156–157).

Другое ее эмпирическое исследование касается темы удовлетворенности жизнью людей, живущих в современной России. Оно также проводилось с использованием новейших методик и способов математической обработки эмпирических данных. Среди прочих в нем была поставлена

также проблема взаимосвязи между личностными особенностями, уровнем удовлетворенности и счастья, с одной стороны, и стратегиями совладания с трудными жизненными ситуациями – с другой. Автор делает вывод и о российской склонности к мечтам и фантазированию, готовности изменить себя, поскольку многовековой российский опыт приучил граждан к тому, что внешние условия им неподвластны. Один из выводов: “Для счастливых и удовлетворенных жизнью людей наиболее отличительными характеристиками поведения в трудных ситуациях жизни, наряду с уже перечисленными, являются также их склонность критиковать и винить себя, обращаться к Богу с молитвами, а также не сгущать красок и не воспринимать ситуацию слишком серьезно” (с. 226).

В заключение хотелось бы особо отметить стиль изложения. Он легкий, прост, понятен, но без каких бы то ни было упрощений. В “Заключении” автор говорит о своей гражданской позиции, о чувстве личной причастности к российскому менталитету, понимании его общемирового значения и необходимости сохранения лучших традиций русского народа и обращается к читателю с такими пояснениями: «мы стремились не к идеализации, а к объективности и научной достоверности, хотя последнее условие всегда трудно реализовать в полной мере в отношении вопросов, которые принято относить к разряду “вечных”» (с. 228).

Книга Джидарьян очень нужна сейчас всем нам – не только как профессиональным психологам, но и как гражданам, надеющимся обрести стратегию веры в лучшее будущее своей страны и народов, населяющих современную Россию.

М.И. Воловикова,
канд. псих. наук,
ст. научн. сотрудник ИП РАН

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В.С. МЕРЛИНА В ПЕРМСКОМ ГОСПЕДУНИВЕРСИТЕТЕ*

Коллективная монография учеников и последователей В.С. Мерлина (1898–1982), посвящена 100-летию со дня его рождения. В воспоминаниях о Б.М. Теплове В.С. Мерлин воспроизводит свой разговор с ним о будущем нашей науки: “Когда однажды я сказал ему, что под старость похвалы

менее трогают, потому что воспринимаются под углом зрения вечности, он ответил, что под углом зрения вечности важнее всего – будущее твоей работы, забота о том, кто будет ее продолжать и в каком направлении она будет развиваться” (“Способности: к 100-летию со дня рождения Б.М. Теплова” / Под ред. Э.А. Голубевой, 1997. С. 367–368).

Теперь, почти 20 лет спустя после кончины Мерлина, есть полное основание сказать о том,

*Б.А. Вяткин, А.А. Волочков, А.Г. Исмаилова, Т.И. Марголина, Т.А. Попова, Е.И. Сибирякова, Е.А. Силина, В.Ю. Хотинец, М.Р. Шукин. Интегральная индивидуальность человека и ее развитие / Под ред. Б.А. Вяткина. М.: ИП РАН, 1999. 327 с.

что его дело – в надежных руках. Рецензируемая монография представляет собой планомерный и последовательный анализ состояния проблемы интеграции свойств человека разной биологической и психологической природы в целостную систему, понимаемую как интегральная индивидуальность человека (ИИ)¹. Исследования представителей пермской психологической школы – это дальнейшее продолжение и развитие подхода к изучению человеческой индивидуальности одного из ярких и плодотворных отечественных психологов. Его исходные положения, методология и методические подходы теории ИИ за последние 15 лет доведены до своего логического завершения.

Особенность пермской школы – постоянный и настойчивый интерес к психофизиологическим качествам человека, опора на данные дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии, в настоящем – не самых популярных дисциплин в отечественной, да и в мировой психологии. Поэтому последовательная многолетняя разработка проблемы ИИ – уже сама по себе является значительным вкладом в науку. Но здесь мы обнаруживаем к тому же четкую научную позицию. В силу особенностей учебно-научной базы – ПГПУ – испытуемыми чаще были дети дошкольного и школьного возрастов, их воспитатели и учителя. Вследствие этого, органично развивая тему ИИ, пермские ученые открывают новые проблемные области – способности, активность и др. Таким образом обеспечивается качественный переход проблемы ИИ к более широкому социально-психологическим реалиям и она получает новый серьезный импульс для последующего развития.

В многолетних работах вновь и вновь подтверждается: психофизиологические особенности человека (именно тот уровень индивидуальности, который подчас игнорируется в ряде отечественных и зарубежных научных направлений) всегда весомо соучаствуют в его активной адаптации к среде, играя при этом заметную роль, определяющую тип и качество этой адаптации. Вновь и вновь убедительно показано, что игнорирование психофизиологии в характеристике личности совершенно не обосновано, и что системы более высокого порядка отнюдь не уничтожают и не обесценивают первоначальных детерминант психического развития человека. Далеко не все альтернативные теории личности и человека строятся на таком же обширном эмпирическом фундаменте научных фактов, какой представлен в обсуждаемой монографии.

¹ Авторами данной рецензии использованы также материалы книги Б.А. Вяткина “Лекции по психологии интегральной индивидуальности”, Пермь, 2000.

В концепции Мерлина все строго и логично: индивидуальности человека противостоит внешняя среда (профессиональная деятельность, например). Соответственно, системообразующим, а не только лишь опосредствующим фактором, может быть индивидуальный стиль деятельности – ИСД (у Мерлина – прежде всего ИСД), а также – стиль общения. Иначе первоначально общая, еще не структурированная уникальная активность субъекта деятельности и общения самоорганизуется, обретая свойства ИСД и стиля общения, формируясь как уникальная система; она не только опирается на исходные индивидуальные особенности человека как предпосылки, но преобразует сами эти особенности в процессе формирования уникальных систем связей между “внутренними и внешними условиями”. Другими словами, мы видим те процессы становления нового качества, которые стали объектом изучения научной дисциплины – синергетики, подходы которой с 1990-х гг. начинают применяться в психологии. Теория ИИ, сформированная в 1970-х гг., по существу и есть реализация такого синергетического подхода к пониманию человека и его психики. В этой связи естественным и логичным видится выделение его учениками и последователями новых типов активности человека и соответственно стилей а также раскрытие новых функций самого индивидуального стиля.

Изучению проблемы индивидуального стиля деятельности присущ изначальный гуманистический пафос и предельно широкие обобщения. ИСД возможен в любой деятельности, высшие ступени профессионализма доступны всем субъектам, ИСД может быть эффективным только тогда, когда он психофизиологически адекватен.

Результаты эмпирических исследований и экспериментов, прямо и косвенно отраженных в монографии, могут быть использованы для подтверждения или отклонения множества гипотез психологической науки последних трех десятилетий. Одна из них – проблема активности, в отношении которой в пермской школе реализуется дифференциально-психологический подход. И вновь показано: “разделение целого и познание противоречивых частей его” обещает новые открытия качества даже известных психологических феноменов. Следующая из логики теории ИИ психодиагностическая батарея, включающая психофизиологические и личностные тесты, сохраняющая свой инвариант в разных исследованиях, обеспечивает возможность рассмотрения широкой панорамы ряда психологических проблем – как теоретических, так и практических.

Все многообразие ИИ человека завершается стилем поведенческой активности, а по существу – психодинамической характеристикой именно активности, но еще не бытия человека. Проблема

ИИ “венчается” не широким экзистенциальным подходом, предполагающим не только общее русло психического развития, но допускающим многообразие сложных и неоднозначных отношений человека с миром (“мир в человеке и человек в мире”). Не исключено, однако, что предпочтение определенных ценностей, выборы отдельных смыслов могут включать и психофизиологические детерминанты (как это наблюдается в структурах волевых качеств – глава 14, или специальных способностей – главы 15, 16), а не только выступать в качестве одного из системообразующих факторов ИИ. Таким образом, присущий пермской школе дифференциальный подход мог бы стать основой пересмотра ряда устоявшихся парадигм психологической науки.

К сожалению, в монографии не приводятся все статистики (средние, распределение), исследователи оперируют исключительно корреляционными связями и факторами (за редким исключением выделяются только три фактора). Мерлин был одним из первых, открывших для отечественной психологии возможности многомерной статистики в изучении и объяснении психологических феноменов. Его рабочие понятия “много – многозначные”, “одно – многозначные связи” и другие прямо следовали из формальных особенностей используемого статистического инструмента. У его учеников этот аспект отчетливо не рефлексировался и не развивается. Стандартность математических процедур явно ограничивает возможности самой теории ИИ. Привлечение других методов математической статистики (например, дискриминантного, кластерного анализа) могло бы многое добавить при анализе богатейшего эмпирического материала. Очевидно, информативными могут быть не только факторизуемые пространства психодиагностических данных, но и “пространства” людей (испытуемых).

В любом случае крайне желательна рефлексия почти тридцатилетнего плодотворного опыта использования определенного статистического инструментария как метода изучения психологических реалий. На данном этапе исследований, как мы полагаем, необходима рефлексия и относительно содержания параметров, участвующих в статистических сопоставлениях: так, авторами, наряду с объективными методиками диагностики нейродинамических свойств, широко используются опросники (например, опросник Я. Стреляу) для определения выраженности павловских типологических свойств, т.е. врожденных характеристик ВНД. Согласно справедливой критике Л.Ф. Бурлачука (1989), это вряд ли правомерно, тем более, что ответы на вопросы – единственный источник информации о сложнейших физиологических показателях свойств нервной системы.

Исследования ИИ, как правило состоят из двух выраженных этапов: до – и после формирующего эксперимента, в каждом представительные выборки испытуемых – 30, 50, 100 человек. Психокоррекционная работа проводится обычно в течение полугода или года, нередко – 1, 2, 3 года. В каждом исследовании используется множество методик (тексты Кэттелла, УСК и др.), представляющих собой определенный психодиагностический инвариант. Таким образом обеспечивается достаточная эмпирическая база для проверки и верификации рабочих гипотез.

Все описанные формирующие эксперименты завершаются положительным эффектом. Очевидно, что используемые в пермской школе психокоррекционный и психотерапевтический подходы кардинально отличаются от доминирующих сейчас в России зарубежных психокоррекционных и психотерапевтических практик (НЛП, гештальт-, лого-, транзактный анализ и др.). В этих подходах, по существу, игнорируется психофизиология человека и, как правило, отсутствует убедительная теория и статистика. Дальнейшее развитие ИИ в данном направлении могло бы внести существенный вклад в теорию и практику психокоррекции.

Первая часть монографии “Системная организация индивидуальности человека, ее биологические и социальные предпосылки” представлена тремя главами. В 1-й “Понятие интегральной индивидуальности” – раскрывается сущность обобщаемого феномена, методологические предпосылки целостного познания человека. Среди множества подходов в отечественной психологии выделяются три концепции целостной индивидуальности: комплексная (Б.Г. Ананьев), системная (Б.Ф. Ломов) и интегральная (В.С. Мерлин). Рассматривается и обосновывается выделение иерархии свойств человека. ИИ понимается как “особый, выражающий индивидуальное своеобразие характер связи, между всеми свойствами человека... Это динамическая система, обеспечивающая приспособление человека к среде” (с. 23). Индивидуальность человека интегрирует свойства ряда иерархических уровней: “биохимических, физиологических, психологических, личностных, социально-психологических, общественно-исторических, находящихся между собой в зависимости. Свойства ИИ организованы в системы и подсистемы и структурированы по иерархическому принципу” (там же). Во 2-й главе – “Развитие интегральной индивидуальности” – дается общая характеристика этого феномена, фазы и закономерности развития, роль генетического фактора, связь с развитием психических процессов. Обстоятельно анализируются результаты и выводы многих отечественных и зарубежных исследователей (Б.Г. Ананьева, И.В. Равич-Щербо,

А.Р. Matteny, А. Thomas, S. Chess и др.) В 3-й главе – “Деятельность и развитие интегральной индивидуальности” – обсуждается разработка категории деятельности в отечественной психологии Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном и др. Как ключевое понятие для теории ИИ рассматривается системообразующая функция деятельности в развитии сознания и личности, а также выделенные Мерлиным “опосредующая” и “транзитивная” функции как образование новых связей между свойствами индивидуальности (с. 61). На основании общего анализа рассматривается развитие ИИ человека в процессе овладения им новой профессиональной деятельностью. В 4-й главе – “Метаэффект интегральной индивидуальности” – рассматривается завершающий уровень детерминант – межличностные взаимодействия субъектов. Под ним понимаются “изменения в структуре личностных и поведенческих характеристик одной индивидуальности, вызванные непосредственным влиянием другой индивидуальности” (с. 105).

Вторая часть книги – “Индивидуальный стиль деятельности в структуре интегральной индивидуальности” – представлена четырьмя главами. “Стиль деятельности” (5-я гл.) понимается как целостное образование, характеризующееся индивидуальными особенностями в: 1) системе внутренних условий; 2) отражении субъектом внешним условий требований деятельности; 3) процессуальной и 4) результативной сторонах деятельности (с. 108). Рассматриваются предпосылки и история изучения стиля в отечественной психологии (К.М. Гуревич, Е.А. Климов, В.С. Мерлин). На обширном эмпирическом материале показано, что стиль деятельности играет системообразующую функцию в развитии ИИ, что в разных его видах более значимыми могут быть разные свойства ИИ. Обстоятельно рассматриваются разные аспекты формирования стиля, в частности, во взаимодействии ученика и учителя. “Стиль общения” (6-я гл.) обсуждает проблему стиля в контексте категории общения, разработанной в отечественной психологии А.Н. Леонтьевым, Б.Ф. Ломовым, Д.Б. Элькониным и др. Приводятся данные изучения четырех индивидуальных стилей общения педагогов и детей в детском саду и роли стиля общения в формировании ИИ. “Стиль учения” (7 гл.) анализирует динамические особенности стилей на разных ступенях обучения школьников и студентов, получающих профессию. Интерес представляет изучение множества аспектов стиля учения, выявленных в исследованиях, например, при соотношении темпа и качества учебной деятельности учащегося. Завершается вторая часть главой “Стиль самоорганизации”, в которой на материале изучения школьников и студентов выделяется четыре стиля самоорганизации.

Третья часть монографии – “Этничность в структуре интегральной индивидуальности” – посвящена одному из наиболее поздних направлений разработки теории ИИ и представлена четырьмя главами. В главе “Этническое самосознание: психологическая структура, формы выражения” обсуждаются проблемы формирования ИИ представителей этнических меньшинств на примере студентов-удмуртов. Представленный эмпирический материал позволяет наглядно отобразить динамику становления ИИ у людей с низким и высоким уровнем развития этнического самосознания. В 10-й главе – “Влияние этнического самосознания на развитие ИИ” – приводятся данные формирующего эксперимента. В главах 11-й и 12-й – “Метаиндивидуальная характеристика этнического самосознания”, “Этнический мир и этническая индивидуальность” – метаиндивидуальность рассматривается как качество, “являющее собой экстраполяцию в пространстве индивидуальности других людей индивидуальных свойств, конгруэнтных ее носителю” (с. 216), а этнический мир человека – “способ организации жизнедеятельности этнических субъектов представляет собой фрагмент социокультурной среды, включающей в себя материальные и идеальные объекты” (с. 225). Следуя парадигме теории ИИ, в дифференциальном изучении данной проблемы авторы используют ранее принятый понятийный и методический инструментарий. Реализованный ими подход к изучению этнического самосознания не имеет аналогов в мировой и отечественной науке.

Теория ИИ позволяет интегрировать не только общие положения психологической науки, но и развивать концепции близких направлений (части IV и V). Авторы, эмпирически разрабатывая категорию активности в контексте теории ИИ, ввели и наполнили конкретным содержанием понятие стиля ведущей активности (гл. 14). Этому предшествует обзор взаимоотношений понятий “активность” и “деятельность”, отраженных в литературе по общей психологии и дифференциальной психофизиологии (гл. 13). Стиль ведущей активности изучается на многих выборках и для различных условий, прежде всего – спортивной деятельности, являющейся весьма специфической, но в то же время позволяющей более четко выделить виды активности – моторную, волевою и эмоциональную. Для каждой из них найдены разные индивидуальные стили: в моторной – гармонический, точностный и скоростной; в волевой – стили, побуждающий к деятельности, направленный на саморегуляцию и обеспечивающий сдерживание; в эмоциональной – стиль “упоевания бою”, тревожной радости и агрессивный. “Удельный вес” разноуровневых свойств индивидуальности различен для разных стилей: в одних более велика роль нейродинамических свойств в других –

свойств личности и т.д. Еще более детально исследованы стили ведущей учебной активности у учащихся младшего, среднего и старшего школьного возрастов. Здесь большое внимание уделено внутренней организации самого стиля: взаимодействию природного потенциала, результативного и волевого компонентов, а у старших школьников – и ценностных ориентаций. Выделены виды стилей, приводящих к высокой результативности, но из-за негативных эмоциональных переживаний ведущих к проблемам коммуникативной сферы, к социальной дезадаптации. И, напротив, для высокоактивных учащихся вычленен гармонический стиль, способствующий развитию ИИ учащихся и успешности учебной деятельности.

Совершенно новые результаты в контексте теории интегральной индивидуальности Мерлина получены при изучении общих и, особенно, специальных способностей (гл. 15). Хотя в ставших классическими определениях задатков способностей, данных С.Л. Рубинштейном и Б.М. Тепловым, они рассматриваются как врожденные анатомо-физиологические особенности и до сих пор в большей мере исследовались физиологические, а в меньшей – анатомические их компоненты. В этом смысле оказалось информативным тщательное изучение пермскими исследователями хореографических способностей. При высоком уровне развития способностей к танцу весьма ве-

лик “удельный вес” анатомических характеристик: строения стопы, роста-весового индекса и т.д. При среднем уровне развития хореографических способностей искусство танца обеспечивается в большей мере компонентами общих способностей. В главе 16 приведены также новые материалы о предметно-педагогических способностях. Они исследовались на филологах, математиках, музыкантах. Выделены как общепедагогические способности, скорее обусловленные свойствами личности, так и специальные – у учителей-предметников, связанные преимущественно со свойствами нейродинамического уровня, что также ставит проблему анализа стилевых характеристик, обеспечивающих успешность профессиональной деятельности.

Развиваемые последователями В.С. Мерлина направления экспериментально-теоретического изучения целостности и неповторимости индивидуальности, с одной стороны, и включение ее в общую систему знаний о человеке – с другой, являются существенным вкладом в общую, дифференциальную и педагогическую психологию.

В.А. Толочек,
доктор психол. наук

Э.А. Голубева,
доктор психол. наук, профессор

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИГОДНОСТИ

В серии “Современное образование” вышла в свет книга известного специалиста в области психологии и физиологии труда, инженерной психологии и эргономики В.А. Бодрова – “Психология профессиональной пригодности”*. В ней обобщен как личный опыт автора на протяжении почти сорока лет работы, так и его учеников и коллег, а также мировой опыт, отраженный в многочисленных литературных источниках. Книга эта – не обычное учебное пособие, поскольку ориентирована, в первую очередь, на повышение квалификации уже действующих специалистов и преподавателей вузов, где ведется их подготовка. В книге представлены достаточно полно не только уже известные сведения, но и самые последние научные данные.

Разумеется, всякая широта и универсальность имеют и отрицательную сторону: возможны

трудности усвоения студентами содержания данного учебного пособия. В некоторых главах, освещающих основополагающие концепции психологии (например, соотношение общих и специальных способностей), подробно излагаются разные точки зрения и теории, но заключительные резюме, как это принято в учебной литературе, отсутствуют. Автору следовало бы более отчетливо выделить канонизированные положения, привести простые примеры, дать в конце каждой главы контрольные вопросы.

Книга вышла своевременно, поскольку сейчас чрезвычайно актуально повышение общей культуры труда в нашей стране: без решения этой проблемы в ближайшие годы нельзя рассчитывать на успех социально-экономических реформ. А они, согласно программе Правительства РФ, предусматривают не только повышение производительности труда, но и создание условий для самореализации граждан в профессиональной деятельности.

* Рец. на кн.: В.А. Бодров. Психология профессиональной пригодности. Учебное пособие для вузов. ПЕР СЭ, 2001. 511 с.